

МОЛОДЫМ О ЛИТЕРАТУРЕ

НАШЕ время—время пафоса. Грандиозные стройки, творимые людьми во всех концах необъятного государства, несомненные политические успехи на мировой арене и, прежде всего, установившиеся добрые отношения с Америкой, Францией и рядом других европейских государств, наши успехи в науке, освоении космоса — все это не случайно и заслуженно широко освещается в газетах, телепередачах, через радио. Журналистика в этом деле главенствует по праву, со своими функциями справ-

он не опекал молодежь, даже был порою чрезмерно строг с нею, но одно его присутствие в литературе, сознание, что он рядом и зорко следит за всем, что в ней творится, сдерживало излишние ретивых и предпринимчивых авторов.

Нельзя не заметить, что интерес к поэзии в последние годы снизился. Проза взяла на себя главную работу. На нашей памяти возник и развивался исключительный, всепоглощающий интерес к поэзии в конце 50-х, первой половине 60-х годов, когда имена молодых в то время поэтов буквально не сходили с газетных полос и читательских

Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.
Или:
Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом
ложатся тени.
И тихо так, как будто
никогда
Природа здесь не знала
потрясеней.
И тихо так, как будто
никогда
Здесь крыши сел
не слышали грома!
Не встрепенется ветер
у пруда,
И на дворе не зашуршит
солома.

полны парочитого довольства и самоуспокоения. А это гибельно в любом творчестве.

Одной из серьезных бед нашей поэзии я бы назвал рационализм. Трудно точно определить истоки этой болезни — технический ли прогресс, развитие ли науки, либо еще что другое, но не видеть ее нельзя. Сколько появляется холодно-рассудочных страниц, порою занимающих иррациональный ум, но совершенно не трогающих сердца. Я не против проблематики в литературе—боже упаси, но нельзя же забывать хрестоматийный тезис о том, что литература—это человековедение. Еще в 1950 году, получая Нобелевскую премию, крупный американский писатель Уильям Фолкнер, адресуясь к молодым писателям, говорил: «...Молодые писатели наших дней—мужчины и женщины—отвернулись от проблем человеческого сердца, находящегося в конфликте с самим собой,—а только этот конфликт может породить хорошую литературу, ибо ничто иное не стоит описания, не стоит мук и пота.

Они должны это снова понять. Они должны убедить себя в том, что страх—самое гнусное, что только может существовать, и, убедив себя в том, отрицать его навсегда и убрать из своей мастерской все, кроме старых идеалов человеческого сердца—любви и чести, жалости и гордости, сострадания и жертвенности,—отсутствие которых выхолащивает и убивает литературу. До тех пор, пока они этого не сделают, они будут работать под знаком проклятия. Они пишут не о любви, но о пороке, о поражениях, в которых проигравший ничего не теряет, о победах, не приносящих ни надежды, ни—что самое страшное—жалости и сострадания. Их раны не уязвляют плоти вечности, они не оставляют шрамов. Они пишут не о сердце, но о железах внутренней секреции».

Напоминая липный раз о наших утупениях в работе, я далек от мысли, что они составляют лицо нашей поэзии. В ней сейчас работают достойные мастера и прежде всего. Следует назвать В. Федорова, Л. Мартынова, С. Маркова, В. Соколова, Н. Благова, некоторых молодых. Очень мало имен, к сожалению, но адресуясь снова к молодым, я хочу напомнить слова Пушкина:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести
живы,
Мой друг, Отчизне
посвятим
Души прекрасные
порывы!

И хочу, чтобы эти слова были не просто словами. Молодежь называют завтрашним днем жизни. Очень хочется, чтобы завтрашний день был не хуже вчерашнего и сегодняшнего.

Виктор КОРОТАЕВ.

ПОПУТНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

ляется успешно и, даже можно сказать, стоит на высоте. Ну что ж! Это ее кровное дело — освещать трудовые будни страны, вести репортажи с переднего края главных работ. На то она и журналистика!

А что же литература?

Она не может, не умеет поспевать за стремительным, изменчивым, противоречивым и неравномерным шагом будней. Нередко такое отставание ставится литературе в упрек. Но если мы хотим говорить о действительной художественности, то, видимо, придется удерживать себя от излишне скороспелых и безоговорочных суждений и взять под защиту как раз тех писателей, которые не торопятся с осмыслением происходящего на наших глазах процесса, а стараются уловить, понять и выразить внутреннюю связь явлений прошлого и настоящего, чтобы точнее и зримее определить будущий путь.

Конечно, можно назвать достойные примеры из отечественной литературы, когда выдающиеся произведения появились вслед за свершившимся событием. Достаточно назвать «Тихий Дон». Но не будем забывать, что эта эпопея написана писателем исключительным.

А много ли романов и повестей подобной силы можем мы назвать из последних лет? Думается, такой перечень времени займет не лирика...

Так или иначе, нам приходится мириться с редким появлением выдающегося произведения. Поэтому речь целесообразно вести о литературе, отмеченной печатью одаренности и таланта, но, так сказать, представляющей собою нынешнюю норму.

Конечно, нет надобности уравнивать творчество всех писателей. Среди прозаиков давно и прочно определились ведущие имена. Это Белов и Залыгин, Распутин и Носов, Астафьев, Лихонин и другие, которые своим творчеством поддерживают высокий уровень прозы.

Труднее определить таких лидеров среди поэтов. В лице Александра Трифоновича Твардовского мы потеряли поэтического вождя, воплощенного в себе самые высокие художественные и нравственные идеалы времени. Человек великого поэтического таланта, честный и мужественный гражданин,

уст. Это можно объяснить тем, что поэзия, как наиболее мобильный жанр, адресуясь прежде всего к сердцу человеческого, вызвала живой интерес к новым тогда проблемам. Она первая назвала их и первая высказала к ним отношение. Но, к сожалению, глубоко поэтически осмыслить и тем самым удержать пытливого читательское внимание, за редким исключением, она не смогла.

В те годы критики охотно говорили о наших несомненных успехах в поэзии и неизменно перечисляли впоследствии набивший оскомину набор имен, которые сегодня мы вспоминаем с некоторым смущением.

А для того, чтобы не попадать в ложное положение, достаточно было так называемые успехи просто сравнить хотя бы с не такой уж далекой классикой, или хотя бы со временем, в котором рядом творили Есенин и Маяковский, Блок и Ахматова, и всем бы стала совершенно очевидной поверхностность и торопливость новомодных стихотворцев. Их бесспорная самореклама и нарочитый формализм, которым еще, как корью, русская поэзия переболела во времена Марины Цветаевой.

Как ни странно это сознавать, но уже активно творивший в те шумные годы Николай Рубцов весьма редко попадал под критические исследовательские линзы, хотя его представительные подборки печатались в журналах «Октябрь», «Юность», «Знамя», «Молодая гвардия», а в 1967 году вышла широко известная теперь книга «Звезда полей». Ведь уже в то время жили такие стихи, которые невозможно читать равнодушно:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...

И коль уж я заговорил о Николае Рубцове, то правомерно напомнить, что этот большой поэт творил бок о бок с нами. Он уже представитель нашего поколения. Он удивлял мудростью своих суждений, глубиной и непосредственностью поэтического чувства, точным ощущением тонкости и гармоничности формы. Он был чужд суетности и своекорыстия, он не шел на сделки с совестью и презирал конъюнктуру. Он был поглощен поэзией и принадлежал ей безраздельно. Не хочется употреблять слово служил, потому что он жил поэзией. Он перемогал тяжелые безденежные времена, но не писал на потребу дня, понимая, какое разочарование и духовное угнетение и опустошение может принести такая поденщина.

И как горько нынче видеть, особенно в среде молодых стихотворцев, предпринимчивых людей, которые берутся за любую тему, не выстрадав ее, не переболев ею. Это идет только от неимения или неглубины убеждений, от нечистоплотности по отношению к тому делу, за которое они взялись. Поэтому именно в этой среде больше всего литературного трепя, а не серьезной работы, именно в этой среде идут всевозможные выяснения, кто кого гениальнее, именно здесь зашимаются пробиванием и проталкиванием серых стихов вместо того, чтобы беспокойтаться о написании настоящих. У таких авторов не может звучать необходимая цемная нота неудовлетворенности собой, тут бесполезно искать раздирающих душу противоречий мятущейся личности, тут нет очищающих и возвышающих душу трагических звуков. Такие люди